

А. В. Мосолкин

ЭНЕЙ, ФРИГИЙЦЫ И АПОЙКИЯ
(Soph. fr. 373 Radt)*

Предметом исследования является фрагмент из не сохранившейся целиком трагедии Софокла «Лаокоон» (Soph. Fr. 373 Radt). Под «фригийцами», которые плотным кольцом окружили Энея, нужно понимать не само племя фригийцев, а троянцев или дарданцев. Такая замена этнонимов произошла во время греко-персидских войн, чему есть подтверждение в аттических трагедиях и архитектурных памятниках. Употребление термина ἀποικία нехарактерно для драматургов. Это заставляет предположить, что Софокл нарочито ввел слово «апойкия» и понимал под ним какое-то особое место, хорошо известное афинскому зрителю. В последней трети V в до н.э. в Афинах делается попытка очернить спартанцев, связав их с «троянскими варварами». К этому времени была известна традиция о бегстве Энея на запад, к Сицилии. Следовательно, «Лаокоон» мог быть написан накануне сицилийской экспедиции афинян.

Ключевые слова: Эней, Троянская война, фригийцы, Софокл, Лаокоон, греческая трагедия, Сицилия.

Современные исследователи, изучая миф о странствиях Энея после разрушения Трои, не часто обращают внимание на небольшой фрагмент трагедии Софокла «Лаокоон»¹. Ведь сохранившиеся шесть строк, где упоминается сын Афродиты, на первый взгляд, ничем не могут привлечь современного историка: в них ничего не говорится ни о маршруте Энея, ни об уготованной ему судьбе – основать поселение на территории Лация. Приводимые Софоклом сведения слишком общие, чтобы пролить свет на загадочную во многом историю основания Рима. Это тем более досадно, что письменных свидетельств о троянском беглеце, которые относились бы к такому раннему времени, как трагедия Софокла, очень мало². Но мне представляется, что фрагмент «Лаокоона» не такой «пустой»

Мосолкин Алексей Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

* Хочу выразить слова теплой благодарности О.В. Смыке, которая помогла разобраться с непростым текстом «Лаокоона»; М. Сквайру и Х. Мартинесу-Пинне Ньюто, которые прислали мне свои последние работы; В.А. Леусу, который помог подготовить для публикации карту, а также моей жене Ю.Е. Краснобаевой, которая взяла на себя труд прочитать статью и сделала немало ценных замечаний. Разумеется, все возможные ошибки и недочеты, допущенные в работе, являются моими собственными.

¹ Radt 1999, fr. 373.

² Приведу лишь основные издания, посвященные легенде об Энее: Perret, 1942 (во многих своих положениях книга безнадежно устарела, но именно этот солидный том, где скрупулезно были собраны все имеющиеся упоминания о странствиях Энея, заложил основы современных взглядов на представленные проблемы); Galinsky 1969; Dury-Mouaers 1981; Martínez-Pinna Nieto 2011. Наконец, совсем недавно вышла книга, посвященная изображениям Энея: Dardenay, 2012.

для современных историков и что он не только содержит важную информацию о развитии мифа об Энее, но и позволяет датировать постановку самой трагедии.

Трагедия «Лаокоон» целиком не сохранилась. Мы располагаем лишь семью фрагментами³, самый большой из которых – именно ему посвящена эта статья – состоит из шести строк. Общий замысел Софокл позаимствовал, вероятно, из киклической поэмы «Разрушение Трои», авторство которой приписывают Арктину. Но драматург позволил себе и некоторые расхождения, речь о них пойдет ниже.

I. Софокл у Дионисия

Фрагмент из «Лаокоона» сохранил для нас Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom. I. 48. 2), приводя его после подробного рассказа Гелланика о бегстве Энея (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 45. 4–48. 1 = Hellan. FGrH. 4 F 31). Как известно, для первой книги «Римских древностей» Дионисий использовал много работ своих предшественников – свыше сорока – и по количеству цитат она является своеобразным «рекордсменом» среди подобных сочинений. Итак, после очередного пожелания, чтобы каждый читатель сам судил о достоверности приводимых рассказов, историк пишет следующее:

Σοφοκλῆς μὲν ὁ τραγωδοποιὸς ἐν Λαοκῶντι δράματι μελλούσης ἀλίσκεσθαι τῆς πόλεως πεποίηκε τὸν Αἰνεΐαν ἀνασκευαζόμενον εἰς τὴν Ἴδην, κελευσθέντα ὑπὸ τοῦ πατρὸς Ἀγχίσου κατὰ τὴν μνήμην ὧν Ἀφροδίτη ἐπέσκηψε καὶ ἀπὸ τῶν νεωστὶ γενομένων περὶ τοὺς Λαοκοωντίδας σημείων τὸν μέλλοντα ὄλεθρον τῆς πόλεως συντεκμηραμένου. ἔχει δ' ἐν αὐτῷ τὰ ἰαμβεῖα ἐν ἀγγέλου προσώπῳ λεγόμενα ὧδε·

1. νῦν δ' ἐν πύλαισιν Αἰνεάς ὁ τῆς θεοῦ
πάρεστ', ἐπ' ὧμων πατέρ' ἔχων κεραυνίου
νότου καταστάζοντα βύσσινον φάρος,
κύκλω δὲ πᾶσαν οἰκετῶν παμπληθίαν·
5. συμπλάζεται δὲ πλήθος οἱ πόσον δοκεῖς,
οἱ τῆσδ' ἐρώσι τῆς ἀποικίας Φρυγῶν⁴.

Перевод вступления трудностей не вызывает. «Трагик Софокл в драме “Лаокоон” изображает Энея, когда тот, прямо перед захватом города, со всем своим добром готовится отправиться на Иду. Убедил его в этом отец Анхис: ведь он помнил о тех указаниях, которые ему дала Афродита, а также то недавнее знамение, что случилось с сыновьями Лаокоона и что предвещало неминуемую гибель города. Вот такие ямбы в трагедии произносит некий вестник».

Монолог вестника начинается следующим образом (ст. 1–2): «Нынче же в воротах Эней, сын богини, // Стоит, держа на плечах отца». Дальше смысл менее ясен. Прежде чем перейти к переводу ст. 2–3, необходимо напомнить читателю, почему почтенный старец Анхис оказался в прямом смысле на шее у собственного сына.

Древние писатели сохранили предание, согласно которому отец Энея поступил недостойно, проболтавшись о своей любовной связи с Афродитой (Hom. Hymn. IV. 286 sqq.; Apollod. Bibl. Epit. V. 21; Verg. Aen. II. 648–649). Боги за такое не прощали. Был наказан и Анхис: Зевс поразил его в спину молнией, и тот потерял способность ходить. Подтверждение этому мы встречаем в самых разных текстах

³ Radt 1999, fr. 370–377.

⁴ Совершенно невозможно пока определить место цитаты в корпусе самой трагедии (Cadoni 1978, 53).

Рис. 1. Tabula Iliaca Capitolina, фрагмент. В воротах Трои изображены Асканий, Креуса (?), Эней, Гермес и Анхис (по: Jahn 1873. Taf. 1)

и изображениях. Из наиболее древних следует упомянуть серебряную тетрадрахму из Энеи, относящуюся к концу VI – началу V в. до н.э., где представлены троянские беглецы⁵; терракотовую статуэтку из Вей, которую датируют приблизительно первой половиной IV в. до н.э.⁶; многочисленные изображения на керамических сосудах⁷, а также так называемую Tabula Iliaca Capitolina (I в. до н.э. – I в. н.э.), где в качестве своеобразной иллюстрации к несохранившейся поэме Стесихора «Разрушение Илиона» (VII в. до н.э.) изображен Эней, несущий на плечах отца (рис. 1)⁸.

Итак, Дионисий никак не комментирует интересные нас строки «Лаокоона», но некоторые пояснения мы находим у Плутарха (De virt. 100 D). Писатель сообщает, что «как ароматические травы делают рубище и лохмотья душистыми, тело же Анхиса выделяло дурной гной» (Ὡς γὰρ ἀρώματα τρίβωνας εὐώδεις καὶ ῥάκια ποιεῖ, τοῦ δ' Ἀγχίσου τὸ σῶμα ἰχώρα πονηρὸν ἐξεδίδου), после чего он приводит интересующую нас строку.

Таким образом, стихи из «Лаокоона» следует понимать так – и внятное свидетельство Плутарха тому подтверждение, – что спину Анхиса прикрывал виссон, который пропитывался гноем, вытекающим из раны. В пользу такого перевода выступают строки из «Филоктета» Софокла (823: ἰδρῶς γέ τοί νιν πᾶν καταστάζει δέμας), а также из «Гекубы» Еврипида (241: σταλαγμοὶ σὴν κατέσταζον γένυιν).

⁵ Head 1911, 214.

⁶ Dardenay 2012, 13–14.

⁷ Horsfall 1979a, 386–388.

⁸ Литература, посвященная «Илионским таблицам», почти безбрежна, поэтому назову лишь основные издания: Jahn 1873; Mancuso 1911, 704 sg.; Sadurska 1964, 23 suiv.; Horsfall 1979b, 26–48; Kazansky 1997, 55–79; Valenzuela Montenegro 2004, 116 f.; Squire 2011; Dardenay 2012, 22–24.

Такого понимания придерживается издатель фрагментов Софокловых пьес Ллойд-Джонс⁹.

Но вопреки авторитету Плутарха в таком прочтении есть слабая сторона. Ведь нет указания на то, чем именно заливают Анхис этот самый виссон. Вероятно, здесь должно было быть слово наподобие плутарховского ἰχώρ, т.е. «у Анхиса *гной* заливают виссон». Отсутствие этого слова можно объяснить тем, что до II в. н.э. была потеряна строка. Это и вызвало непонимание Плутарха. Но такое объяснение не кажется мне правдоподобным. Поэтому, чтобы не нарушить структуру сохранившегося текста, наш стих можно прочитать буквально: «виссон стекает по спине». Подтверждение этой метафоры встречается, к примеру, в «Илиаде» (V. 734: πέπλον μὲν κατέχευεν ἑάνδον πατρὸς ἐπ' οὐδέει), а также в «Агамемноне» Эсхила (230: κρόκου βαφὰς δ' ἐς πέδον χέουσα)¹⁰.

Вряд ли в настоящее время можно предложить новый убедительный вариант прочтения, как, впрочем, и найти новое подтверждение двум имеющимся. При тех данных, которыми мы располагаем, исследователи вынуждены выбирать одну из двух точек зрения – либо мнение Плутарха, носителя языка, либо суждение современного лингвиста. Следует заметить, что автор русского перевода Ф.Ф. Зелинский, понимая, очевидно, сложность и двусмысленность греческого текста, вообще снял имеющееся противоречие, предложив следующий изящный перевод:

Отца, перуном тронутого, поднял
Себе на плечи он, покрыв ему
Виссоновым плащом большую спину¹¹.

Итак, мы получаем следующие варианты перевода ст. 2–3: 1) «у которого со спины, пораженной молнией, струится виссон»; 2) «у которого на спине, пораженной молнией, находится виссон, запятнанный [гноем]».

Заметим, что у Эсхила в «Персах», 128 при описании одежды персидских женщин мы встречаем такое словосочетание: βυσσίνοις πέπλοις. Очевидно, что драматург под этим понимал красивые восточные ткани¹². Так что, вероятно, и Софокл, используя слово «виссон» при описании одежды Анхиса, нарочито подчеркивал причастность отца Энея к варварской пышности.

Стк. 4–5 «Лаокоона» вновь не вызывают сомнений: «Вокруг – огромное множество домочадцев. // Сопровождает толпа огромных размеров (οἱ πόσον δοκεῖς)». Но дальше мы опять сталкиваемся с трудностью. Она обусловлена тем, что не ясно, с чем согласовать Φρυγῶν. Можно предложить три варианта.

1. Если мы связываем Φρυγῶν с πλῆθος, то получаем перевод: «толпа фригийцев, которые стремятся отправиться в колонию»¹³. Исходя из такого понимания, Ф.Ф. Зелинский переводит:

И окружил себя толпою слуг.
Но и фригийцев сонм за ним несметный
Последовал – столь велико желание
Переселиться на чужбину с ним¹⁴.

⁹ Lloyd-Jones 2003, 201.

¹⁰ Этого прочтения придерживается большинство издателей: Л. Кэмпбелл (Campbell 1871, 515), Э. Пламптр (Plumptre 1914, 166), А. Пирсон (Pearson 1917, 44–45), Э. Кэри (Cary 1937, 155), В. Фромантен и Ж. Шнэбель (Fromentin, Schnäbele 2004, 75).

¹¹ Софокл 1914, 318.

¹² Hall 1991, 84, 120.

¹³ Dindorfius 1830, 46; подробнее см. Radt 1999, 333.

¹⁴ Софокл 1914, 319.

Но такой выбор неудачен тем, что слова πλῆθος и Φρυγῶν расположены слишком далеко друг от друга.

2. Если Φρυγῶν подчиняется местоимению οἱ, то читать следует так: «некоторые из фригийцев стремятся отправиться в колонию»¹⁵. Такое прочтение мне не представляется удачным, так как из этого следует, что из Трои решили уплыть только некоторые фригийцы, но были и другие, которые хотели бы остаться. Отчасти такое колебание в намерениях троянцев и их союзников подтверждается строками из «Римских древностей» Дионисия (I. 48. 3) – он сообщает о традиции, согласно которой Эней считался предателем. В таком случае, помимо тех, кто хотел уплыть с Энеем, были и те, кто с ним не согласился. Но, по всей видимости, этот сюжет сложился в гораздо более позднее время, когда Рим уже стал центром ойкумены.

3. Наконец, Φρυγῶν мы можем связать с ближайшим словом τῆς ἀποικίας. В таком случае люди, окружающие Энея, хотели отправиться в некую колонию фригийцев.

II. Апойкия – это Рим? Ида? Или случайность?

Современные исследователи, в большинстве своем принимая именно последний вариант, даже высказывают предположения, в какие именно апойки могли направиться спутники Энея во главе со своим предводителем. Так, Л. Браччези видит здесь намек на Рим¹⁶; Ж. Дюри-Мойе следует за Дионисием и предлагает гору Иду¹⁷. Такое прочтение кажется очень разумным: грамматическая связь «апойкии» с «фригийцами» подтверждается к тому же прямыми и неоднократными замечаниями Дионисия, что Эней отправился на Иду, ведь именно там Анхис встретил Афродиту (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 46. 4 sqq., 48. 2). Это сообщение греческого писателя основано на рассказе Гелланика, который жил примерно в одно время с Софоклом. Трагические поэты часто брали замыслы пьес не из гомеровских поэм, а из более позднего эпоса, поэтому важен здесь и пассаж из произведения троянского цикла «Гибель Илиона» в пересказе Прокла: «Мучаясь от зловещего знамения [т.е. после гибели Лаокоона], Эней и его окружение тайно отошли к Иде» – οἱ περὶ τὸν Αἰνεΐαν ὑπεξῆλθον εἰς τὴν Ἴδην¹⁸. Наконец, К. Захария полагает, что Софокла вообще не интересовало, куда Эней собирался отправиться¹⁹.

Если мы обратим внимание на место цитаты из «Лаокоона» в «Римских древностях», то нам может показаться странным ее контекст. Дионисий приводит стихи сразу после пересказа Гелланика, сообщив, что рассказ логографа самый правдоподобный (πιστότατος τῶν λόγων), но есть и другие рассказы, которые ему, автору, кажутся менее правдоподобными (οὐς ἦττον ἔγωγε τοῦτου πιθανοὺς εἶναι νομίζω). Но, как это ни парадоксально, цитата из «Лаокоона» по своему сюжету почти ни в чем не отступает от повествования Гелланика: в обоих случаях Эней в окружении слуг и родных спасает отца, в обоих случаях он покидает Трою. После «Лаокоона» Дионисий приводит сведения из сочинения ликийского писателя Менекрата (IV в. до н.э.), который считает, что Эней был предателем, – а это сообщение действительно коренным образом отличается от рассказа Гелланика.

¹⁵ Pearson 1917, 45.

¹⁶ Non vidi. См. Zacharia 2003, 63.

¹⁷ Dury-Moyaers 1981, 50, с ней соглашаются И. Малкин и Х. Мартинес-Пинна (Malkin 1998, 193; Martínez-Pinna Nieto 2011, 57).

¹⁸ Hall 1989, 32; West 2003, 144.

¹⁹ Zacharia 2003, 64.

Необходимо отметить, что Дионисий, предваряя стихи Софокла вводным словом, прямо говорит, что Эней ушел к Иде (Ant. Rom. I. 48. 2). На первый взгляд, это свидетельство не оставляет сомнений – если историк столь определенно называет Иду, то поиски места, куда отправился Эней из горящей Трои, должны быть лишены смысла. Но, принимая такое толкование, мы сталкиваемся с двумя неразрешимыми проблемами. Во-первых, предложенная трактовка Софоклова сюжета никак не отличается от рассказа Гелланика, что противоречит самому Дионисию. Во-вторых, если поэт действительно называет место, куда стремился Эней, то почему дотошный автор «Римских древностей» не привел эти стихи, что было бы гораздо важнее, чем, скажем, описание виссона Анхиса? Поэтому следует предположить, что Софокл не указывал своим зрителям, где должна была находиться апойкия, а Дионисий тут не пересказывает пропущенные строки «Лаокоона», а вольно трактует те, что сам приводит ниже.

Разница между сообщениями логографа и Софокла есть, какой бы незначительной она ни казалась. У Гелланика Эней захватывает «наиболее неприступные склоны Иды» (τὰ καρτερώτατα τῆς Ἰδῆς· – Dion. Hal. Ant. Rom. I. 46. 3; τὰ ὀχυρώτατα τῆς Ἰδῆς – ibid. I. 47. 2), а у Софокла – собирается основать колонию. Не в том ли была подспудно ощущавшаяся Дионисием разница этих двух текстов, что у Софокла само слово «апойкия» указывало на некое далекое плавание, т.е. буквально «прочь от дома»?

Арктин и Гелланик были хорошо знакомы с местностью вокруг Трои, – первый, как известно, был из Милета, а второй родился на Лесбосе. Поэтому можно предположить, что отступление Энея к Иде они рассматривали как бегство из города в любое надежное место. Очевидно, что это не могло быть морское побережье, где троянцы наткнулись бы на ахейские суда. Так что у Энея был единственный выход – склоны Иды. Эта гора не только была удобным местом, чтобы переждать опасность, но и славилась к тому же корабельным лесом. Но Софокл сообщает, что троянцы хотят основать там колонию и остаться навсегда. Что за этим стоит? Были ли Софокл равнодушен к троянской топографии? Употребил ли он слово «апойкия» случайно? Или же драматург вообще имел в виду что-то другое?

III. Поселение у Иды – не апойкия?

К тому, зачем именно фригийцы, согласно древней традиции, должны были направиться к Иде, мы вернемся позже, а пока заметим, что поселение на Иде, по-видимому, никак не могло быть апойкией ни для фригийцев, ни для троянцев, ни для Энея (тем самым для дарданцев). Ведь в районе Иды у дарданцев уже были поселения: согласно «Илиаде», Дардан на равнине в районе Иды основал Дарданию (Гелланик называет город Дарданом) задолго до того, как была основана Троя (II. XX. 215–217: Δάρδανον [...] / κτίσσε δὲ Δαρδανίην, ἐπεὶ οὐ πῶ Ἴλιος ἰρή / ἐν πεδίῳ πεπλόιστο πόλις). Поэтому поселение близ Иды никак не могло называться колонией Энея. Скорее Троя могла называться апойкией, а Дардания – метрополией²⁰.

Строго говоря, география в «Илиаде» и у Гелланика не столь ясна, как хотелось бы. Дело даже не в том, что в «Илиаде» город называется Дарданией, а у Гелланика – Дарданом, а в том, что Дардан и соседний Офриний (Гелланик упоминает оба этих города – Dion. Hal. Ant. Rom. I. 46. 1) находятся не в районе горы Иды, а примерно в 60 км на север, на самом берегу моря напротив горы Калликолоны. Гелланик рассказывает, что жители Дардана, завидев пожар в Трое, бегут на гору Иду.

²⁰ Kirk 1985, V, 293.

Рис. 2. Карта Троида

Их действия кажутся просто непостижимыми: ведь путь их должен был проходить через Трою, от которой они намеревались бежать как можно дальше. Объяснение такому нелогичному поведению можно найти в том, что Ида, являясь самой высокой горой региона, дала название всему горному массиву (Strab. XIII. 33–34)²¹. Гелланик, очевидно, зная это, отправлял Энея и его окружение не на территорию современной Иды, а, по-видимому, на склон Калликолоны (высота которой около 1000 м, высота же Иды 2500 м). Именно там, по мысли греческого историка, Эней должен был найти неприступные для ахейцев склоны (рис. 2)²². Разумеется, такое повальное бегство не могло называться апойкией.

IV. ἀποικία – «переселение», а не «колония»?

Х. Ллойд-Джонс, издатель фрагментов Софокловых трагедий, по-видимому, понимал несуразность предложенного выше прочтения «Лаокоона». Поэтому он дал иное толкование слова ἀποικία: не «колония», а «переселение». Он переводит этот фрагмент следующим образом: “those who are eager to take part in this migration of the Phrygians”²³. Таким образом, Эней, окружив себя фригийцами, стремится бежать из Трои. Такое понимание фрагмента, на первый взгляд, хорошо согласуется с мнением самого Дионисия, который прямо указывает, что по воле отца Эней должен был отправиться на Иду.

Но и это прочтение имеет свои недостатки. Во-первых, в таком случае фрагмент «Лаокоона» ничем не отличается от сообщения Гелланика. Во-вторых, слово ἀποικία во времена Софокла, по крайней мере в дошедших до нас трагедиях, означало само поселение, а не путешествие к нему²⁴. Ни Фукидид, ни Геродот, в трудах которых мы чаще всего встречаем это слово, ни разу не употребляют его в значении «переселение, миграция». По-видимому, трансформация смысла произо-

²¹ Bürchner 1919, 1637; Horsfall 1979b, 44; Kirk 1985, V, 293.

²² См. Talbert 2000, 56–57.

²³ Lloyd-Jones 2003, 201; с ним соглашается К. Захария (Zacharia 2003, 63). Вероятно, совершенно независимо у Кадони: “tutti i Frigi che hanno scelto la via dell’esilio” (Cadoni 1978, 54).

²⁴ LSJ, s.v. ἀποικία; Hall 2014, 97.

шла значительно позднее, уже в I в. н.э. (LSJ, s.v. ἀποικία). Появление такого специфического термина у Софокла выглядит полнейшей неожиданностью. Мог ли он употребить это слово в значении «переселение, миграция»? Полагаю, вряд ли. Поэтому изящное чтение Ллойд-Джонса мне кажется неправдоподобным. Таким образом, нам остается самое простое – связать Φουῶν с τῆς ἀποικίας, т.е. перевод получается таким: «толпа, которая стремится отправиться в колонию фригийцев».

Весь перевод фрагмента «Лаокоона» таков:

Нынче же в воротах Эней, сын богини,
Стоит, держа на плечах отца, у которого со спины,
Пораженной молнией, струится виссон
(вариант: у которого на спине, пораженной молнией,
находится виссон, запятнанный [гноем]).
Вокруг – огромное множество домочадцев,
Сопровождает его толпа огромных размеров,
Они стремятся отправиться в колонию фригийцев.

V. Были ли «фригийцы» фригийцами?

Такой перевод оставляет нас наедине с другим интригующим вопросом: почему Энея окружали фригийцы? Сам он фригийцем не был. Почему вокруг не собрались его сородичи дарданцы? Дионисий прервал цитату из Софокла на самом интересном месте – что же это за колония фригийцев, куда они столь страстно желают отправиться?

Здесь стоит напомнить, что для драматических поэтов основным источником сюжетов послужили киклические поэмы. Вероятно, иногда драматурги использовали и поэмы Стесихора, которые до нашего времени фактически не сохранились, что является одной из самых тяжелых потерь для изучения античности²⁵. Это вовсе не означает, что более поздние сочинители не вносили сюжетных изменений и не интерпретировали миф по своему желанию. Такие явные отклонения от «стратегической линии» «Разрушения Трои» есть и в «Лаокооне». Самое поразительное новшество заключается в том, что у Софокла змеи убивают лишь детей жреца, самого же Лаокоона оставляют в живых (Apollod. Bibl. V. 17–18)²⁶. Кроме того, именно Софокл, по свидетельству Сервия, называет имена змей (Soph. fr. 372 Radt). По нашему фрагменту из «Лаокоона» тоже можно утверждать, что Софокл не следовал слепо за своим образцом, но вносил отступления, которые были, по-видимому, весьма злободневны и не могли встретиться в тексте Арктина. К таким новшествам относится слово «фригийцы».

Согласно «Илиаде», фригийцы были одним из двенадцати племен, являвшихся союзниками троянцев (II. II. 862–863)²⁷. Они живут неподалеку и помогают им, но не часто появляются на страницах эпоса. Вряд ли это можно назвать случайностью, ведь если даже враждующие ахейцы и троянцы говорили на одном языке, то троянцы и фригийцы – на разных. Тому у нас есть любопытное свидетельство. В гомеровском гимне к Афродите (111–116) богиня, выдававшая себя перед Анхисом за дочь фригийского царя, говорит, что понимает язык троянцев, так как была вскормлена троянкой-кормилицей²⁸. Однако хотя фригийцы и троянцы не близкие

²⁵ Hall 1989, 32, 37; Гаспаров 1980, 344; Kazansky 1997, 105.

²⁶ Most 2010, 328.

²⁷ См. Гордезиани 1978, 186–187; Kirk 1985, I, 249–250, 259–260.

²⁸ См. Hall 1989, 19–20.

народы, нам не должно казаться странным, что у Софокла именно фригийцы, а не дарданцы, которыми предводительствовал Эней (II. II. 819 sqq.), окружили героя плотным кольцом.

Согласно древним источникам, в V в. до н.э. произошло намеренное смешение этнонимов «троянец» и «фригиец»²⁹. До этого времени эллины не воспринимали троянцев как «иной» народ – на дошедших до нашего времени изображениях они носят схожую одежду и такое же оружие. Однако впоследствии все радикально поменялось. Произошло это во время греко-персидского противостояния, войны «с варваром», как называл ее Фукидид. Первым, кто произвел эту подмену, был, по-видимому, Эсхил. Александрийский грамматик рубежа эр Аристоник, комментируя «Илиаду», утверждает, что «для новых поэтов Троя и Фригия – одно и то же. Но так не было у Гомера. Соединил Эсхил» (De signis Iliadis. II. 862). Троянцы, по воле драматургов «превратившись» во фригийцев, стали синонимом варварства, необузданности и пышности³⁰. В архитектуре эта подмена проявилась на знаменитых метопах Парфенона. На западных метопах были представлены сцены битвы между греками и амазонками, на южных – между лапифами и кентаврами, на восточных – между богами и гигантами, а вот сюжет северных метопа представлял собою сцены из троянской истории: в афинском Новом музее Акрополя хранится метапа, где, по-видимому, изображен Эней, бегущий из Трои. Как бы ни трактовались отдельные сюжеты, само противопоставление лапифов, богов и греков, с одной стороны, и кентавров, гигантов, амазонок и троянцев, с другой, помещает жителей Илиона и их союзников во враждебное для эллинов окружение³¹.

VI. И все же ἀποικία – это «колония»?

Приводимые доводы хрупки, но все же позволяют сделать умозаключение, что Софокл не случайно ввел слово «апоикия» в текст трагедии и зрители понимали, что это была за колония. На мой взгляд, следует согласиться с А.А. Синицыным, который говорит, что Софокл писал драмы в расчете на современного ему зрителя, погруженного в заботы текущего дня. Его зритель ходил на Пникс, где проходили народные собрания, и на Ареопаг, где собиралась знать. Его зритель торговался на Агоре и возил товар в соседние города. Те, кто собирались в афинском театре Диониса, помнили эвакуацию из Афин при персах и шли гоплитами против Спарты. Софокл помещал в свои трагедии множество аллюзий на живые события. Эти постановки мы можем назвать, говоря современным языком, актуальными³². Вероятно, и в трагедии «Лаокоон» драматург писал о том, что было всем понятно без специальных объяснений. Не является ли использование слова «апоикия» неким намеком на текущие и животрепещущие для афинян проблемы?

²⁹ В современной литературе эта проблема достаточно подробно исследована, поэтому я не буду на ней останавливаться. См., например, Bacon 1961; Hall 1988; 1989; Erskine 2001. Отмечу, что для Ф.Ф. Зелинского фригийцы – это не троянцы (Софокл 1914, 319).

³⁰ См. другой фрагмент «Лаокоона» (Soph. fr. 370 Radt), где густой запах мирра от жертвенника троянцев называется «варварским».

³¹ Слабую попытку вновь разделить фригийцев и троянцев сделал Дионисий Галикарнасский. По его мысли, ошибаются те писатели, которые утверждают, что троянцы и фригийцы отличаются одним лишь названием (Ant. Rom. I. 29. 1). Но ученый грек жил уже совсем в иную эпоху.

³² Еще более жгато: «Вызывает эмоции только то, что известно» (Синицын 2011, 224).

Рис. 3. Tabula Iliaca Capitolina, фрагмент. Эней с Анхисом и Асканием садятся на корабль (по: Jahn 1873. Taf. 1)

Во время греко-персидских войн отношение к легендарным троянцам изменилось – они стали восприниматься балканскими греками как варвары. Этот важный тезис подкрепляется многочисленными литературными и изобразительными свидетельствами. Важно подчеркнуть, что ко времени Софокла троянцы и фригийцы в равной степени воспринимались как варвары и имя первых часто замещалось именем вторых. Подтверждение этому есть и в аттических трагедиях. Например, в «Аяксе» (1291–1292) Тевкр, обращаясь к Агамемнону, говорит, что дедом ахейского вождя был Пелоп – фригиец, варвар (ἀρχαῖον ὄντα Πέλοπα βάρβαρον Φρύγα). Нарочитое смешение этнонимов фригийцев и троянцев говорит о том, что Троянская война с V в. до н.э. стала восприниматься не как война внутри эллинского мира, но как война между эллинами и варварским Востоком. Фригийцы-троянцы, стоящие вокруг Энея, для афинян V в. до н.э. – это «чужие», не-греки, не «свои»³³.

На упомянутой выше «Илионской таблице» (I в. н.э.) изображено, как Эней со своими домочадцами отправляется на запад, «в Гесперию», о чем сообщает надпись (Αἰνῆας σὺν τοῖς ἰδίοις ἀπαίρων εἰς τὴν Ἑσπερίαν). Этот рельеф иллюстрирует поэму Стесихора «Разрушение Илиона» (рис. 3). Свидетельство это чрезвычайно важно. Стесихор, живший в VII–VI вв. до н.э., был родом из сицилийской Гимеры. Поэтому под «Гесперией» он должен был, вероятно, понимать Сицилию³⁴. Если мы согласимся, что Стесихор в поэме действительно упоминал о путешествии Энея «в Гесперию» и что это не является вольной интерпретацией самого мастера «Илионской таблицы», то о связи троянца с Сицилией вполне могло быть известно и в Афинах в V в. до н.э.³⁵

³³ Э. Эрскин пишет, что «троянцы, по-видимому, стали уже почти персами» (Erskine 2001, 73). См. также Hall 1988, 15–18.

³⁴ Galinsky 1969, 106–113.

³⁵ Это мнение не является общепринятым; Н. Хорсфолл отказывается видеть какие-либо соответствия между изображением на «Илионской таблице» и текстом (см., например, Horsfall 1979b, 26–48).

VII. Свидетельство Фукидида о фригийцах?

В «Истории» Фукидида мы встречаем любопытнейший фрагмент: «После взятия Илиона троянцы, которым удалось спастись от ахейцев, прибыли на кораблях к Сицилии. Там они поселились по соседству с сиканами, и затем все вместе стали называться элимами. Их города – Эрик и Эгеста. Вместе с ними поселилось и небольшое число фокидян, которых сначала отнесло бурей от Трои в Ливию, а затем в Сицилию»³⁶ (пер. Г.А. Стратановского с изменениями). Здесь Фукидид напрямую говорит, что после разорения Трои троянцы направились к Сицилии. Это сообщение подтверждает спорное свидетельство, которое приписывают Стесихору, что существовала легендарная связь между троянцами и островом. Но фрагмент интересен еще вот чем.

Упоминание о фокидянах, жителях центральной Греции, совершенно неожиданно. Дело в том, что этот пассаж историк помещает в параграфе, где говорит о варварских поселениях на Сицилии, основанных лет на 300 позднее Троянской войны. Фукидид заканчивает исторический экскурс следующим образом: «Вот сколько было варварских народностей в Сицилии и каким образом они поселились на острове» (βάρβαροι μὲν οὖν τοσοῖδε Σικελίαν καὶ οὕτως ᾤκησαν – VI. 2. 5). А про первые эллинские поселения он пишет уже чуть ниже (Ἑλλήνων δὲ πρῶτοι Χαλκιδῆς ἐξ Εὐβοίας πλεύσαντες – VI. 3. 1)³⁷. Поэтому получается, что фокидяне у Фукидида оказываются не-греками, что, разумеется, никак невозможно.

Чтобы выйти из этого затруднения, современные исследователи предлагают заменить Φωκέων на Φωκαῆς, т.е. вместо фокидян следует понимать фокейцев, жителей города Фокеи, расположенного в Эолии, в Малой Азии³⁸. С одной стороны, упоминание об этих фокейцах вполне уместно. По свидетельству Геродота, они были первыми из эллинов, кто отправился в далекие морские плавания (οἱ δὲ Φωκαῖές οὗτοι ναυτιλίῃσι μακροῖσι πρῶτοι Ἑλλήνων ἐχρήσαντο – I. 163) и достигли Тирсении (т.е. Этрурии), Корсики и в конце концов после 535 г. до н.э. обосновались в Регию (I. 165–167). Но с другой стороны, мнение Геродота противоречит свидетельству Фукидида, который столь же определенно говорит, что первыми эллинскими поселенцами в Сицилии были жители эвбейской Халкиды, основавшие город Наксос (VI. 3. 1). Впрочем, это противоречие можно снять, если мы предположим, что Геродот говорил о заселении Корсики, Этрурии и юга Италии, а Фукидид только о Сицилии. Тем самым, историки говорили о двух разных волнах переселенцев: с рассказом Геродота связывают появление этрусков, а с рассказом Фукидида – заселение Сицилии и основание колонии Питекуссы на острове Искья.

В 1987 г. Кент Ригсби опубликовал статью, посвященную разбору этого загадочного фрагмента³⁹. Исследователь возрождает старую идею У. Риджвэя, согласно которой вместо Φωκέων следует читать Φρυγῶν и понимать так, что после троян-

³⁶ *Thuc.* VI. 2. 3: Ἰλίου δὲ ἀλίσκομένου τῶν Τρώων τινὲς διαφυγόντες Ἀχαιοὺς πλοίοις ἀφικνοῦνται πρὸς τὴν Σικελίαν, καὶ ὄμοροι τοῖς Σικανοῖς οἰκῆσαντες ξύμπαντες μὲν Ἑλυμοὶ ἐκλήθησαν, πόλεις δ' αὐτῶν Ἔρουξ τε καὶ Ἐγεστα. προσεσυνώκησαν δὲ αὐτοῖς καὶ Φωκέων τινὲς τῶν ἀπὸ Τροίας τότε χειμῶνι ἐς Λιβύην πρῶτον, ἔπειτα ἐς Σικελίαν ἀπ' αὐτῆς κατενεχθέντες.

³⁷ Poppo 1880, 8; Bérard 1957, 341; Classen 1963, 5; Gomme, Andrews, Dover 1970, 212–213; Hornblower 2008, 263–264; о другой путанице с фокейцами см. Malkin 1998, 213–226.

³⁸ Ridgeway 1888, 180; Classen 1963, 5; Hornblower 2008, 270.

³⁹ Rigsby 1987, 332–335.

цев на Сицилию прибыли не фокейцы, а фригийцы (ср. Paus. V. 25. 6, где сообщается, что Сицилию населяют сиканы, сикелы и фригийцы; и эти последние прибыли от реки Скамандр и из Троядской области – Φρύγες δὲ ἀπὸ τοῦ Σκαμάνδρου ποταμοῦ καὶ χώρας τῆς Τρωάδος)⁴⁰. Очевидно, что это очень сильное допущение, и часто исследователи его не принимают⁴¹. Тем не менее, именно оно снимает внутреннее противоречие в тексте Фукидида.

Интерес к ранней истории Сицилии в Афинах последней трети V в. до н.э. возник не случайно – это было время подготовки к сицилийской кампании. И не в это ли самое время Софокл писал «Лаокоона», где ойкист-Эней, памятуя о советах отца, словно выполняя указание Стесихора плыть в «Гесперию», посматривал на запад в поисках колонии, которая подошла бы его «фригийцам»?

VIII. Троянцы, фригийцы, спартанцы

Реально ли, чтобы троянцы, фригийцы и спартанцы оказались в одной «компании»? Насколько возможно такое нелепое сочетание? По-видимому, во время войн со Спартой связь между троянцами, фригийцами и спартанцами в умах афинян существовала. Приведем несколько свидетельств.

1. Знаменитый образ троянцев в «Андромахе» Еврипида – это, бесспорно, образец авторского пристрастного суждения (170–176, пер. И.Ф. Анненского). Троянцы – это дикари, варвары и беззаконники:

О, дикости предел... или несчастья...
Делить постель рожденного царем,
Которым муж убит, и кровь убийцы
Переливать в детей... Иль весь таков
Род варваров, где с дочерью отец,
Сын с матерью мешается и с братом
Сестра живет и кровь мечи багрит
У близких, а закон не прекословит?..
Нет, не вводи к нам этого!

Но сама Гермиона, которая произносит эти слова, поступает еще более отвратительно. Это говорит о том, что авторские симпатии, как и симпатии зрительские, на стороне варварки Андромахи, а не спартанки Гермионы⁴².

2. В конце I в. до н.э. Дионисий Галикарнасский пытался доказать, что троянцы вовсе не были варварами, а, напротив, были греческого происхождения. Это авторское побуждение было обусловлено тем, что Дионисий, проживая в Риме эпохи Августа, пытался доказать, что римляне – потомки Энея – не были варварами. Он делает любопытное замечание, что троянцы происходят из Пелопоннеса и суждение это издавна поддерживается разными писателями (εἴρηται μὲν καὶ ἄλλοις τισὶ πάλαι – Ant. Rom. I. 61. 1). К сожалению, Дионисий не сообщает ни имен этих сочинителей, ни где они писали, а это могло наложить отпечаток на их труды. Но важно отметить, что древние историки установили «связь» между троянцами и жителями Пелопоннеса.

3. Павсаний (I. 15) описывает некоторые картины, располагавшиеся в Пестрой Стое. Среди них было три: на одной изображались афиняне во главе с Тесеем

⁴⁰ Ridgeway 1888, 180.

⁴¹ См. Classen 1963, 5; Gruen 1993, 14; Hornblower 2008, 270.

⁴² Hall 1989, 213–214; Erskine 2001, 75.

во время битвы с амазонками, на второй – совещание эллинских царей, взявших Трое, наконец, на третьей – сцена из Марафонской битвы. Рядом с этими картинами в Стое висели знаменитые медные щиты лакедемонян, которые достались афинянам после сражения при о. Сфактерии (один из них до сих пор хранится в Афинах в Музее древней Агоры). Но любопытнее всего, что в Стое хранилась картина, изображающая битву при аргивской Эное между спартамцами и афинянами. Все, что мы знаем об этом сражении, заключается в упомянутом пассаже Павсания, поэтому исследователи скептически относятся к сообщению древнего писателя⁴³. Неясно, почему автор описывает именно эти картины, выбирая их из всех, что хранились в Стое. Но по свидетельству Павсания четко прослеживается параллель: с одной стороны афиняне, эллины при Трое (где, заметим в скобках, афиняне принимали самое незначительное участие) и греки при Марафоне, а с другой – амазонки, троянцы и спартамцы. Запущенный после греко-персидских войн мощный механизм по «превращению» троянцев в варваров, доказав свою эффективность, стал перерабатывать новую «жертву» – спартамцев. Возникла почти невероятная ситуация: в Афинах драматурги и художники в последней трети V в. до н.э. пытались убедить своих сограждан в том, что лакедемонян, вожди которых возглавили троянский поход, нужно рассматривать в одной плоскости с варварами. Шагом к достижению полного превосходства ионийцев над дорийцами должен был стать сицилийский поход (Thuc. VI. 77, 80, 82; VII. 57).

Опираясь на все вышесказанное, можно предположить, что Софокл писал драму «Лаокоон» после 417 г. до н.э., когда в Афинах бурно обсуждали грядущую сицилийскую экспедицию. Драматург смело апеллировал к текущим, животрепещущим событиям, любые намеки на которые зрители в театре Диониса легко улавливали. Поэтому строку из «Лаокоона» нужно понимать так: люди, толпившиеся вокруг Энея, желали отправиться в колонию фригийцев. Учитывая, что фригийцы были для греков варварами и при помощи драматургов «перешли» в стан врагов, то и их сицилийская колония, на которую намекает Софокл, должна была быть враждебна Афинам.

Литература

1. Гаспаров М.Л. 1980: Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 331–360.
2. Гордезиани Р.В. 1978: Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси.
3. Синицын А.А. 2011: Античная этногеография sub specie tragoediae (эскиз проблемы) // Наука и техника. Вып. XXVII. СПб., 224–226.
4. Софокл 1914: Драмы. Т. III / Перевод с предисловием и введениями Ф.Ф. Зелинского. М.
5. Чепель Е.Ю. 2010: «Греки, измыслившие варварские злодейства»: образ варвара в «троянских» трагедиях Еврипида // Вестник РГГУ. 10 (53), 198–211.
6. Bacon H.H. 1961: Barbarians in Greek Tragedy. New Haven.
7. Bérard J. 1957: La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. P.
8. Büchner L. 1919: Kallikolone // RE. Hlbd 20, 1637.
9. Cadoni E. 1978: Il "Laocoonte" di Sofocle // Sandalion. 1, 45–58.
10. Campbell L. 1871: *Sophocles*. The Plays and Fragments / Ed. by L. Campbell. Vol. II. Oxf.
11. Cary E. 1937: The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus / With an English Translation by E. Cary. Vol. I. Camb. (MA)–L.
12. Casali S. 2010: The Development of the Aeneas Legend // A Companion to Vergil's *Aeneid* and Its Tradition / J. Farrell, M. Putnam (eds.). Chichester–Malden (MA), 37–51.
13. Classen J. 1963: *Thukydides*, erklärt von J. Classen. Bd IV. B.

⁴³ Erskine 2001, 70.

14. *Dardenay A.* 2012: Images des fondateurs. D'Énée à Romulus. Bordeaux.
15. *Dindorfius G.* 1830: Poetae scenici Graeci. Accedunt perditarum fabularum fragmenta / Recognovit et praefatus est Guil. Dindorfius. Lipsiae– Londini.
16. *Dury-Moyaers G.* 1981: Énée et Lavinium. Bruxelles.
17. *Erskine A.* 2001: Troy between Greece and Rome. Oxf.
18. *Fromentin V., Schnäbele J.* 2004: *Denys d'Halicarnasse*. Les origines de Rome (Les antiquités romaines. Livres I et II) / Traduit et commenté par V. Fromentin at J. Schnäbele. P.
19. *Galinsky K.* 1969: Aeneas, Sicily and Rome. Princeton.
20. *Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J.* 1970: A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf.
21. *Gruen E.S.* 1993: Culture and National Identity in Republican Rome. Ithaca (NY).
22. *Hall E.* 1988: When Did the Trojans Turn into Phrygians? *Alcaeus* 42. 15 // *ZPE*. 73, 15–18.
23. *Hall E.* 1989: Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy. Oxf.
24. *Hall J.M.* 2014: A History of the Archaic Greek World (ca. 1200–479 BCE). Second Edition. Chichester.
25. *Head B.V.* 1911: *Historia numorum*. A Manual of Greek Numismatics. Oxf.
26. *Hornblower S.* 2008: A Commentary on Thucydides. Vol. III. Oxf.
27. *Horsfall N.* 1979a: Some Problems in the Aeneas Legend // *CQ*. 29, 372–390.
28. *Horsfall N.* 1979b: Stesichorus at Bovillae? // *JHS*. 99, 26–48.
29. *Jahn O.* 1873: Griechische Bilderchroniken. Aus dem Nachlasse des Verfassers herausgegeben und beendigt von A. Michaelis. Bonn.
30. *Kazansky N.N.* 1997: Principles of the Reconstruction of a Fragmentary Text (New Stesichorean Papyri). Saint-Petersburg.
31. *Kirk G.S.* 1985: The Iliad: A Commentary. Vol. I–V / G.S. Kirk (ed.). Cambr.
32. *Lloyd-Jones H.* 2003: *Sophocles*. Fragments / Ed. and transl. by H. Lloyd-Jones. Cambr. (MA).
33. *Malkin I.* 1998: The Returns of Odysseus. Colonization and Ethnicity. Berkeley.
34. *Mancuso U.* 1911: “La Tabula Iliaca” del museo Capitolino. Roma.
35. *Martínez-Pinna Nieto J.* 2011: Las leyendas de fundación de Roma. De Eneas a Rómulo. Barcelona.
36. *Most G.W.* 2010: Laocoons // A Companion to Vergil's *Aeneid* and Its Tradition / J. Farrell, M. Putnam (eds.). Chichester–Malden (MA), 325–340.
37. *Pearson A.C.* 1917: The Fragments of Sophocles / A.C. Pearson (ed.). Vol. II. Cambr.
38. *Perret J.* 1942: Les origines de la légende troyenne de Rome (281–31). P.
39. *Plumptre E.H.* 1914: *Sophocles*. Tragedies and fragments / Transl. by E.H. Plumptre. Vol. I. Boston.
40. *Poppo E.F.* 1880: *Thucydides* de Bello Peloponnesiaco. Vol. III. Sect. II / Explanavit E.F. Poppo. Lipsiae.
41. *Radt S.* 1999: *Tragicorum Graecorum Fragmenta*. Vol. IV. Sophocles / S. Radt (Hrsg.). Göttingen.
42. *Ridgeway W.* 1888: Thucydides VI. 2 // *CR*. 2, 180.
43. *Rigsby K.J.* 1987: Phocians in Sicily: Thucydides 6. 2 // *CQ*. 37, 332–335.
44. *Sadurska A.* 1964: Les tables Iliques. Warszawa.
45. *Squire M.* 2011: The Iliad in a Nutshell. Visualizing Epic on the *Tabulae Iliacae*. Oxf.
46. *Talbert R.J.A.* 2000: Barrington Atlas of the Greek and Roman World / R.J.A. Talbert. Princeton.
47. *Valenzuela Montenegro N.* 2004: Die Tabulae Iliacae. Mythos und Geschichte im Spiegel einer Gruppe frühkaiserzeitlicher Miniaturreliefs. B.
48. *West M.* 2003: Greek Epic Fragments from the Seventh to the Fifth Centuries BC / Ed. and transl. by M.L. West. L.– Cambr. (MA).
49. *Zacharia K.* 2003: Sophocles and the West: The Evidence of the Fragments // Shards from Kolonos: Studies in Sophoclean Fragments / A.H. Sommerstein (ed.). Bari, 57–76.

AENEAS, PHRYGIANS AND APOIKIA (Soph. fr. 373 Radt)

Alexey V. Mosolkin

The subject of the research is a fragment from Sophocles' tragedy “Laocoon” (Radt 1999, fr. 373). It is argued that the Phrygians gathering around Aeneas were not a Phrygians tribe in the direct meaning of the word, but Trojans or Dardans. The change of ethnonyms must have happened during the war between Greeks and Persians, which is supported by a lot of evidence in Attic tragedies and Greek architecture. The use of the term ἀποικία was not typical of ancient

playwrights. Apparently, the word was introduced on purpose by Sophocles who may have meant a site which was well-known to his audience as well as to every Athenian citizen. During the Peloponnesian war Athenian intellectuals made an attempt to slander Spartans connecting them with “Trojan barbarians”. The tradition on Aeneas escaping to the west on Sicily had been known by that time. Thus the play “Laocoon” must have been written before or during the Athenian expedition to Sicily.

Keywords: Aeneas, Trojan war, Phrygians, Sophocles, Laocoon, Greek tragedy, Sicily.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

mosolkina@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с. 123–142

А. Ю. Гришин

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ГРАВИТАЦИИ В УЧЕНИИ РАННЕЙ СТОИ

В работе исследуются предпосылки стоической концепции, предвосхитившей Ньютонов закон тяготения. Исследование концентрируется на часто обозначаемом, но так и не разрешенном противоречии между сообщениями, одни из которых приписывают легким элементам первичное движение вниз, а другие – вверх. Доказывается, что представления о движении легких элементов вверх могли сложиться у стоиков не только под влиянием Аристотеля, поскольку центробежные тенденции воздуха и огня – которые легко могли быть перетолкованы комментаторами как движение вверх – представляют собой необходимую составляющую для функционирования пневмы. Полученные результаты экстраполированы на этический и логический разделы учения: первичные движения элементов могут и не осуществляться, но само стремление их реализации необходимо для сохранения единства мира, а на логическом уровне – для поддержания причинно-следственных рядов. Поэтому и человек должен стремиться реализовывать свои природные склонности безотносительно достижения им естественных для него вещей.

Ключевые слова: философия, наука, стоицизм, Стоя, стоики, физика, гравитация, элементы, космология, мироустройство.

Процесс изучения стоической философии остается далеким от преодоления заложенной еще в XVI в.¹ тенденции оказания предпочтения этическому разделу в ущерб физическому и логическому, причем этот пробел заполняется гораздо медленнее, чем можно было бы ожидать от нашего времени, уже не склонного усматривать в стоицизме прежде всего образец практической мудрости. Подавляющее большинство опубликованных в последние десятилетия моногра-

Гришин Алексей Юльевич – соискатель сектора истории западноевропейской философии Института философии РАН.

¹ Столяров 1995, 338, 342–343.